УДК 735.29. (32)

Баженов А.М.[1]

МИРЧА ЭЛИАДЕ: УЧЕНЫЙ И ПИСАТЕЛЬ

Bazhenov A.M.

MIRCEA ELIADE: A SCIENTIST AND A WRITER

Аннотация. В статье освещается жизненный путь выдающегося румынского ученого-религиоведа и писателя Мирчи Элиаде. Излагаются основные жизненные вехи исследователя: учеба в лицее, обучение в Бухарестском университете на факультете филологии и философии, изучение иностранных языков с целью читать труды ученых в подлиннике. Рассказывается о научной командировке в течение трех лет (1928—1931 годы) в Индию, о методе по изучению санскрита и овладении йогой. Перечисляются уроки, которые философ извлек из пребывания в восточной стране. Называются виды творческой и общественной деятельности Мирчи Элиаде после возвращения в Бухарест. Говорится об исполнении обязанностей на государственной службе в период Второй мировой войны. Раскрывается вклад Мирчи Элиаде в развитие науки о религии и мировую литературу.

Ключевые слова: ученый, религиовед, писатель, йога, миф, ритуал, символ, христианство, православие, индуизм, история религий, традиция, университет, лекция, санскрит, иностранные языки.

Abstract. The article highlights the life path of an outstanding Romanian religious scholar and writer Mircea Eliade. The main milestones of the researcher's life are described: studying at the Lyceum, studying at the University of Bucharest at the faculty of Philology and philosophy, studying foreign languages in order to read the works of scientists in the original. It tells about a scientific trip for three years (1928—1931) to India, about a method for studying Sanskrit and mastering yoga. It lists the lessons that the philosopher learned from his stay in the Eastern country. These are the types of creative and social activities of Mircea Eliade after returning to Bu-

[1] Баженов Анатолий Матвеевич — канд. ист. наук.

charest. It refers to the performance of duties in the civil service during the Second world war. Mircea Eliade's contribution to the development of the science of religion and world literature is revealed.

Keywords: scientist, religious scholar, writer, yoga, myth, ritual, symbol, Christianity, Orthodoxy, Hinduism, history of religions, tradition, University, lecture, Sanskrit, foreign languages.

Мирча Элиаде (1907—1986) — румынский философ, религиовед, этнограф, писатель. Родился в Бухаресте. В 1917—1925 годах учился в школе и лицее Спиру Харета. Как отмечал Мирча Элиаде: «Это был очень приличный лицей, его называли «румынский Жюль Ферри»1 (Элиаде М. Испытание лабиринтом.., с. 151). В тринадцать лет он написал рассказ «Как я открыл философский камень», который был опубликован в «Газете народного знания». М. Элиаде увлёкся философией, Древним Востоком, историей религии. Он выучил французский, немецкий, латынь, а также впоследствии итальянский и английский, чтобы читать труды Раффаэле Петтаццони[2] и Джеймса Фрэзера[3] в оригинале (в последующий период овладел также ивритом, фарси, санскритом, пали, бенгали).

Элиаде М. о своих исканиях в период между двадцатым и двадцать пятым годами вспоминал: «Мы принадлежали к первому поколению, которое взяло в свои руки культуру под названием «Великая Румыния» («Romania Mare») — Румыния после войны четырнадцатого — восемнадцатого годов. Первое поколение без твердой программы, без четкого идеала, который надо было осуществить. Наши отцы и деды жили с идеалом — объединить все румынские земли. Этот идеал осуществился. А я имел счастье принадлежать к первому поколению румынских книжников, которое было свободным, у которого не было программы. Мы использовали свободу для открытий, мы раскопали не только традиционные источники, такие, как наша собственная классическая литература и литература французская, но и абсолютно все на свете» (Элиаде М., с. 156—157).

М. Элиаде в 1925 году поступил на факультет филологии и философии Бухарестского университета. На формирование его мировоззрения значительное воздействие оказали лекции по сравнительному религиоведению, философии и мистицизму профессора

---

[1].Ферри Жюль (1832—1893) — французский премьер-министр, который был сторонником светского образования.

[2] Петтаццони Раффаэле (1883—1959) — итальянский историк религий, археолог, возглавлял Международную ассоциацию истории религий в 1950—1958 годах.

[3] Фрэзер Джеймс (1854—1941) — британский религиовед, антрополог, этнолог, культуролог, историк религий, автор книги «Золотая ветвь».

Нае (Николае) Ионеску1. В 1928 году М. Элиаде получил степень лиценциата2. Его дипломная работа называлась «Итальянская философия от Марсилио Фичино до Джордано Бруно».

Чтобы расширить свои познания в философии за пределами европейской системы образования, он, получив грант для обучения в Индии, сразу после окончания Бухарестского университета отправился в Калькуттский университет, где три года (1928—1931) изучал санскрит и индийскую философию под руководством известного ученого, профессора Сурендранатха Дасгупта[3]. М. Элиаде отмечал в своей беседе: «Я хотел изучить санскрит основательно, в соответствии с индийской традицией, но в то же время сохранить философскую методику западного толка. Чтобы ориентиры западного эрудита сочетались с ориентирами, идущими изнутри традиции. Никогда я не отказывался от западной специфики познания» (Элиаде М., с. 162—163).

Чтобы лучше познакомиться с жизнью индийцев, М. Элиаде в сентябре 1930 года уезжает из Калькутты в Гималаи. Он прожил четыре месяца в Ришикеше, в гималайском монастыре. Его гуру — знаменитый Свами Шивананда, который ведет с ним практические занятия йогой.

Вернувшись в Румынию, защитил докторскую диссертацию по философии йоги на философском факультете Бухарестского университета (она была опубликована в 1936 году на французском языке под названием «Йога: эссе о природе индийской мистики» (Eliade M.). Индийский опыт М. Элиаде запечатлен не только в эссе, но и в прозе: Серампорские ночи», «Майтрейи», «Изабель и воды дьявола».

М. Элиаде впоследствии свой опыт жизни в Индии оценил высоко:

«Три года пребывания там оказались для меня знаменательными. Индия меня сформировала. Когда сегодня я задаю себе вопрос, каков был главный урок, который я там воспринял, то вижу, что он был трояким.

Во-первых, открытие особой философии, скорее некого ее измерения — не классического, то есть не упанишад и не веданты, словом, не монистического толка — и не чисто религиозного бхатки[4]. Мышление йоги, как и мышление санкхьи[5], придерживается

---

[1] Ионеску Николае (1890—1940) — румынский философ, логик, педагог, публицист. Основатель религиозного журнала «Предания» и редактор влиятельной газеты «Слово», в которой М. Элиаде публиковал свои статьи.

[2] Промежуточная ученая степень между бакалавром и доктором.

[3] Дасгупта Сурендранатха (1887—1952) — индийский философ, историк религии, религиовед и санскритолог, специализировавшийся на истории индийской философии. Автор 5-томной энциклопедии «История индийской философии».

[4] Бхатки (санскр) — преданность, любовь к богу.

[5] Санкхья (санскр) — одна из шести ортодоксальных систем индийской философии.

дуализма: с одной стороны, материя, с другой — дух. Но меня интересовал не столько дуализм, сколько то, что и в санкхье и в йоге человек, Вселенная и жизнь не иллюзорны. Жизнь реальна, мир реален. Мир можно покорить, жизнью можно овладеть… Жизнь поддается преображению через сакраментальные действа. Это первый пункт».

Во-вторых, «важно понимать, что эта техника, но также и другие способы и методы дают возможность переосвятить жизнь, переосвятить природу… Повторное открытие, повторное усвоение — вот смысл символа. Когда я жил в Румынии, меня совершенно не привлекала религиозная жизнь. Мне казалось, что церкви перегружены иконами. Я, конечно, не воспринимал иконы, как неких идолов, и тем не менее…». Как известно, в Индии придается большое значение фаллическому символу. «Возможность такого религиозного умиления через образ и символ открыла для меня целый мир духовных ценностей… Представляете себе, какую роль сыграло в моем формировании как историка религий это открытие, открытие важности религиозного символизма в традиционных культурах.

Что касается третьего открытия, то его можно назвать «открытием неолитического человека» … Это была неолитическая цивилизация, основанная на земледелии, то есть на религии и культуре, которые сопутствовали открытию земледелия и которые воспринимали мир и природу как непрерывный цикл жизни, смерти, воскрешения — цикл, характерный для растений, но определяющий и человеческую жизнь и представляющий к тому же образец для жизни духовной…» (Элиаде М., с. 170—171).

О своем самочувствии в этот период жизни в Румынии и начале преподавательской деятельности в университете Мирча Элиаде рассказывает в «Воспоминаниях». (Элиаде М. Человек без судьбы, с. 217).

М. Элиаде с января по ноябрь месяц 1932 года служил в армии, сначала в противовоздушном полку, затем — в бюро переводчиков при штабе вооруженных сил Румынии.

Являясь ассистентом профессора Н. Ионеску, М. Элиаде читал лекции по философии, в том числе по метафизике Аристотеля. В тридцатые годы М. Элиаде в Румынии стал хорошо известен как ученый и писатель. В этой связи Эмиль Чоран пишет:

«Я познакомился с Элиаде в Бухаресте в 1932 году, только что пройдя курс философии. Он был тогда кумиром нового поколения — мы произносили эту магическую формулу с гордостью. Мы презирали «старичье», «рамоли» — словом, всех, кому перевалило за тридцать. Наш духовный учитель вел против них настоящую кампанию, уничтожая одного за другим, и почти всегда бил без промаха. Я говорю «почти», потому что ему случа-

лось ошибаться — я имею в виду его выпады против Аргези[1], большого поэта, чья единственная вина заключалась в том, что он был признанным, официальным. Борьба между поколениями представлялась нам ключом ко всем конфликтам и объяснительным принципом всех событий. Быть молодым означало для нас — автоматически — быть гениальным» (Чоран.Э., с. 223).

М. Элиаде много уделял времени общественной деятельности: публиковал статьи в еженедельниках «Кувынтул» и «Время», выступал с циклом лекций на радио, был членом общества «Критерион». Это общество занималось просветительской работой, в частности в здании Фонда Кароля I устраивало симпозиумы. Темы докладов на этих симпозиумах были самые разные: Зигмунд Фрейд, Андре Жид, Чарли Чаплин, Владимир Ленин.

Во время Второй мировой войны М. Элиаде был на дипломатической службе: атташе по культуре при посольстве Румынии в Великобритании (1940) и атташе по культуре в Лиссабоне (1941). М. Элиаде встречается с испанскими философами Хуаном Ортегой-и-Гассетом (1883—1955) и Эухенио Д' Орсом (1881—1954).

В 1945 году эмигрировал во Францию, где при содействии Жоржа Дюмезиля[2] получил должность лектора по сравнительному религиоведению в Школе высших штудий, а с 1948 года работал в Сорбонне. В этом же году основывает журнал румынской эмиграции «Лучафэрул». Это название позаимствовано из творчества крупнейшего румынского поэта Михая Эминеску, у которого имеется поэма «Лучафэр[3]. (Эминеску М., с. 196).

М. Элиаде поддерживал связи со своей Родиной, воспринимал установление в Румынии коммунистического режима как трагический период истории. Он четко определял свою миссию в тот период:

«Я считаю, что в некоторые моменты истории определенная культурная деятельность — а особенно литература, искусство — превращается в оружие, в орудие политики. Когда я думаю о воздействии пушкинской поэзии… Уж не говорю о романах Достоевского! Да даже и некоторые вещи Толстого… То, что что мы делаем в искусстве, в науке, в философии, полагаю, в какой-то момент даст политические плоды: изменит сознание че-

[1] Аргези Тудор (наст. имя Ион Теодореску) (1880—1967) — один из крупнейших румынских поэтов XX века. Член румынской Академии.

[2] Дюмезиль Жорж (1898—1986) — французский лингвист, специалист по сравнительной мифологии, автор теории трех функций (функционального деления на три сословия или касты) в протоиндоевропейском обществе: жреческое — брахманы, воинское — кшатрии, земледельческое — вайшьи, каждой из которых соответствовало особое божество.

[3] Эминеску Михай (наст. фамилия Эминович) (1850—1889). Лучафэр (народное название вечерней/утренней звезды).

ловека, вдохнет в него надежду. Так что, по моему мнению, человек, который продолжает работать и что-то создавать, не отстраняется от современности» (Элиаде Э. Испытание, с. 179).

В 1956 году состоялась первая поездка в США, где М. Элиаде провел «Хаскеллские чтения» в Чикагском университете, их материалы опубликованы в 1958 году под названием «Рождение и повторное рождение» («Birth and Rebirth»).

В 1957 году М. Элиаде предложили занять должность штатного профессора и заведующего кафедрой истории религий Чикагского университета (ныне носит его имя), где он и проработал до своей кончины в 1986 году, занимаясь написанием и изданием своих новых работ. Потом он отмечал: «Помимо интереса к работе, меня удержала в Чикаго университетская атмосфера полнейшей свободы и терпимости» (Элиаде М. Испытание, с. 184).

М. Элиаде — автор более 30 научных и литературных трудов. Он также основал журнал «История религий» (1961 г.) и являлся главным редактором 16-томной «Энциклопедии религии», выпущенной в 1987 году Нью-Йоркским издательством Макмиллана.

М. Элиаде в Чикагском университете установил теплые отношения со студентами. Об американской молодежи у него сложилось хорошее впечатление:

«В Америке история религий в моде, и не только у студентов, которые, по выражению Маритена[1], “безграмотны с религиозной точки зрения”, но и среди просто любознательных, желающих узнать чужие религии: индуизм, буддизм, архаические и первобытные верования. Шаманство, например, стало чуть ли не повальным увлечением. К нему проявляют интерес художники, театральные деятели; очень много молодежи: они думают, что наркотики подготавливают к пониманию шаманства. Кое-кто из них нашел абсолют в той или иной эфемерной секте: Мехер Баба, Харе Кришна, Джизус Фрикс; в некоторых дзэнских сектах…» (Элиаде М. Испытание, с. 186).

Классическая феноменология рассматривает священное пространство производным от священного предмета. Священное пространство — это место, которое занимает священный предмет. Разрабатывая оппозицию «священное пространство — мирское пространство», М. Элиаде в своей ранней работе «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение» (Eliade M.) связывал существование земного, видимого священного места не с присутствием в нем священного предмета, а с наличием некого небесного, невидимого архетипа, преданность которого и делает данное место священным: «окружающий нас мир, где ощущается присутствие и труд человека — горы, на которые он взбирается, об-

[1] Маритен Жак (1882—1973) — французский религиозный философ, ведущий представитель неотомизма.

ласти, заселенные и возделанные им, судоходные реки, построенные города, святилища, имеет внеземные архетипы, понимаемые как «план», «форма», либо как обыкновенный «двойник», но существующие на более высоком, космическом уровне» (Элиаде М. Космос.., с. 36). Оппозиция «сакральное место — профанная область здесь сближена с оппозицией “космос — хаос”».

Однако пустынные области, населенные чудовищами, невозделанные земли, неведомые моря, куда не осмеливается заплывать ни один мореплаватель, не имеют своего собственного прототипа. Все эти дикие пространства соответствуют мифической модели другого типа: они уподобляются хаосу, относятся к еще недифференцированному, бесформенному бытию, предшествующему сотворению. Следовательно, можно сделать вывод, что именно «небесный архетип» — «форма», «план», «двойник» — позволяет перейти от сакрального места к представлению о пространстве как к реальности, где одно место отличается от другого, где «здесь» отличается от «там».

Как пишет российский прозаик и литературный критик И.Р. Кузнецов: «Элиаде особенно ничего не пытается доказать, он лишь констатирует, что «открытие священного пространства позволяет обнаружить «точку отсчета», сориентироваться в хаотичной однородности, «сотворить Мир» и жить в нем реально. Напротив, мирское восприятие поддерживает однородность, а следовательно, относительность пространства» (Кузнецов И.Р., с. 212).

Важнейшая характеристика пространства, различие «здесь — там» вводится без опоры на предмет, в этом пространстве находящийся. Коренная черта сакрального пространства — возможность ориентации по сторонам света, звездам, горам, значит, в нем существует ответ на вопрос «где?». Профанное пространство характеризуется отсутствием устойчивых направлений и форм. Оно также связано с символическим рядом, но уже другим. Это очень ценные наблюдения М. Элиаде, но они не получили дальнейшего развития.

Сакральность и сакрализация мирского пространства обеспечиваются наличием или установлением в нем центра. Его М. Элиаде определял, как «освящение пространства». Он писал: «Благодаря парадоксу ритуала любое освященное пространство совпадает с Центром Мира, точно так же, как и время какого бы то ни было ритуала совпадает с мифическим временем «начала». Таким образом, реальность и долговечность постройки обеспечивается не только через преобразование мирского пространства в пространство трансцедентное («центр»), но и через преобразование конкретного времени в мифическое» (Элиаде М. Космос.., 45).

Кроме того, священное пространство М. Элиаде отличал от мирского пространства как однородное от неоднородного. Однако статус мирского пространства остается абстрактным. Мирское пространство как реальность появляется, по мнению М. Элиаде, лишь в результате десакрализации. Но какой бы ни была степень десакрализации мира, человек, избравший мирской образ жизни, не способен полностью отказаться от религиозного поведения (Элиаде М. Священное, с. 23).

Есть пространства священные, т. е. «сильные», значимые, и другие — неосвященные, не обладающие ни структурой, ни содержанием, одним словом, аморфные. Более того, для религиозного человека такая неоднородность пространства проявляется в опыте противопоставления священного пространства, которое только и является реальным, всему остальному — бесформенной протяженности, окружающее это пространство. Проявление священного онтологически сотворяет мир. Религиозный человек жаждет бытия, ужас индивида перед хаосом, простирающимся за границами его мира, соответствует ужасу перед небытием. Неизвестное пространство не космично, потому что не освящено. Оно лишь некая аморфная протяженность, без ориентиров и структуры. Подобное мирское пространство представляет для религиозного человека абсолютное небытие. Мирское пространство М. Элиаде не профанное, ни сакральное, оно — геометрическое, в нем есть устойчивая ориентация, но нет ориентира, его символ — дорога, а не путь.

Мирча Элиаде внес большой вклад в мировую литературу. Одним из известных его произведений является роман «Девица Кристина» В этом сочинение писатель сумел синтезировать реальное и фантастическое начало. Такое направление в литературе получило название «фантастический реализм». К этому направлению относят произведения Н.В. Гоголя (повести «Ночь перед рождеством», «Нос», «Портрет»). Ф.М. Достоевского (романы «Идиот», «Братья Карамазовы»), Эдгара По (рассказ «Лигейя»). Б. Шоу писал о творчестве Э. По: «В рассказах тайн и воображения По побил мировой рекорд английского языка, а может быть, и всех языков. История леди Лигейи — не просто одно из чудес литературы; ей нет ни равных, ни даже подобных» (Злобин Г., с. 841).

М. Элиаде в романе «Девица Кристина» знакомит читателей с необычным сюжетом. Начало ничего интригующего не предвещает. В бывшую помещичью усадьбу приезжают из Бухареста для отдыха и работы художник Егор Пашкевич и университетский профессор-археолог Назарие. Знакомство гостей с хозяевами имения начинается за обеденным столом: матерью госпожой Моску и ее двумя дочерями — старшей Сандой и младшей Симиной. Муж хозяйки умер несколько лет назад. На приезжих гостей хозяйка

производит странное впечатление, во время разговора она часто впадает в забытье. Создается такое представление, что она просто перестает слышать разговор собеседников. Художник, оказывается, знаком с Сандой был раньше и стремится играть роль ухажера. Обращает на себя внимание и младшая сестра. Она не по годам поддерживает тему разговора, ей всего девять лет. Хозяева для гостей проводят экскурсию по дворцу. Заходят в комнату, которая принадлежала сестре госпожи Моску — Кристине. На стене кабинета висит большой портрет Кристины, который нарисовал художник Миря. Изображение Кристины производит сильное впечатление на присутствующих. Правда, Егор Пашкевич высказал критические замечания о мастерстве художника Мири. Кристина была возлюбленной бывшего управляющего имением. Он убивает Кристину из-за ревности в 1907 году.

Далее наступает фантасмагория[1]. Девица Кристина по ночам приходит во дворец. Доверенными лицами ее выступают госпожа Моску и Симина. Кристина является антиподом Санды. Кристина в образе соблазнительницы появляется в комнате Егора Пашкевича. Она доводит художника до бредового состояния, когда он готов выполнить те требования, которые Кристина излагает. Она говорит: «Мне стоит только захотеть — мозг твой обледенеет, а язык отсохнет, — заговорила она. — Ты весь в моей власти, Егор! Захочу — сделаю из тебя все, что мне угодно, захочу — приворожу, и ты пойдешь за мной, как другие... Их было много, Егор... Что мне твои молитвы! Ты всего лишь смертный. А я пришелица из иных краев. Тебе этого не понять, никому не понять... Но тебя я не хотела губить, ты мне мил, с тобой я хочу обручиться... Скоро, скоро ты увидишь меня по-другому. И тогда полюбишь, Егор... Уже сегодня страх твой пошел на убыль... И сейчас тебе не будет страшно, любезный друг. Сейчас ты проснешься, такова моя воля, ты проснешься...» (Элиаде М. Девица…).

Чувство страха начинает испытывать и профессор Назарие. У Санды появляется обморочное состояние. Из соседнего города Джурджу приглашают к Санде доктора Панаитеску. Доктор определяет заболевание у Санды как проявление анемии и начало гриппа. Но потом свой диагноз он готов изменить и сам начинает испытывать лихорадочное состояние.

Во время очередного ночного посещения призраком Кристины комнаты Егора и объяснения с ним случилась беда. Художник в состоянии обморочного состояния переворачивает стол, на котором стояла горящая лампа. Из лампы на ковер выливается керосин и начинается пожар. Все в панике, прибегают крестьяне из деревни, но никто не пытается

[1] Фантасмагория (гр. Phantasma призрак + agoreuo говорю) — призрачные, фантастические картины и фигуры, получаемые при помощи различных оптических приспособлений; причудливое бредовое видение.

тушить огонь. Егор призывает мужчин в кабинет Кристины и предлагает все разрушить, в том числе уничтожает ее портрет. Далее художник в сопровождении профессора перемещается в подвал дворца, где, по его предположениям, находится источник зла Кристины. В темноте они находят это место, на котором лежит в обморочном состоянии Симина. Егор Симину поднимает и передает ее в руки профессору.

Г-н Назарие широко перекрестился и завел тихую молитву. Егор нагнулся над тем местом, где только что лежала Симина, сверля ее глазами, как будто пытаясь пробить взглядом толщу материи, угадать, где она скрыла нечистое, окаянное сокровище. Потом размахнулся и что было силы всадил посох острием в землю. Капли холодного пота выступили у него на лбу.

— Здесь ее сердце, Симина?! — вскричал он, не оборачиваясь.

Девочка, словно обезумев, забилась в руках профессора. Егор вытащил посох, вошедший в землю только до половины, и вонзил его чуть поодаль с удвоенной яростью.

— Здесь? — хрипло допытывался он.

Судорога прошла по телу Симины, глаза закатились. У Егора дрогнула рука. «Я попал», — понял он и, зажмурясь, с воплем, всей своей тяжестью навалился на посох. Он чувствовал, как входит железо в живую плоть и как она сопротивляется ему. Его трясло: это медленное пронзание тянуло в бездну, топило в темноте безумия, в бреду. Как сквозь сон доносились до него крики Симины. Ему показалось, что г-н Назарие сделал движение остановить его, и тогда, в полном исступлении, он упал на колени, налегая на посох, хотя железо изранило ему ладони до кости. Глубже, еще глубже, в самое ее сердце, в средостение чертовщины... (Элиаде М. Девица…).

Роман М. Элиаде «Девица Кристина» был в свое время воспринят общественностью в Румынии неоднозначно. Он вызвал скандал в прессе. Это сочинение зачислили в разряд «порнографической литературы». В последующем это произведение получило положительную оценку.

Таким образом, Мирча Элиаде является выдающимся ученым и писателем двадцатого века. Его ценят и признают авторитет на Родине, свидетельством чего является посмертное избрание его членом Румынской академии в 1990 году. Научные труды и литературные произведения издаются во многих странах, в том числе в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов И. Прохладный свет. О подлинной реальности Мирчи Элиаде и Гайто Газданова // Иностранная литература. 1998. № 6. С. 212—219.

2. Злобин Г. Примечания // Э. По. Стихотворения. Проза. М. Художественная литература, 1976. С. 841.

3. Чоран Э. Мирча Элиаде // Иностранная литература. 1999. № 4. С. 223—227.

4. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы М.: Прогресс, 1987. 312 с.

5. Элиаде М. Священное и мирское. / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1994. 144 с.

6. Элиаде М. Испытание лабиринтом. Беседы с Клодом-Анри Роке. (Перевод с французского А. Старостиной) // Иностранная литература. 1999. № 4. С. 151—208.

7. Элиаде М. Человек без судьбы. Из книги «Воспоминания. I. Мансарда» // Иностранная литература. 1999. № 4. С. 207—222.

8. Элиаде М. Девица Кристина. М.: Критерион, 2000.

9. Эминеску М. Лучафэр // Василе Александри Стихотворения. Михай Эминеску Стихотворения. Джордже Кошбук Стихотворения. Ион Лука Караджале Потерянное письмо, рассказы. Иоан Славич Счастливая мельница. М.: Худ. лит., 1975. С. 196—207.

10. Eliade M. Essai sur les origines de la mystique Indienne. Paris-Bucarest: P. Geuthner, 1936.

11. Eliade M. Le mythe de l'eternel retour. Paris: Librarie Gallimard, 1949.

Рецензент:

Спириденков Е.Б., канд. философ. наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Тульского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ.